

Принцип дополнительности Н. Бора и его методологическое значение для девиантологии*

ХАРАБЕТ К.В.

к.юр.н., профессор кафедры уголовного права Военного университета,
главный юрисконсульт ФСКН России, Москва

*Каждое высказанное мною суждение
надо понимать не как утверждение,
а как вопрос.
Н. Бор*

*Люди повинуются законам природы,
даже когда действуют против них.
И.В. Гете*

Изучение проблемы методологии научного познания явлений в рамках девиантологической науки (рассматриваемой нами в качестве *междисциплинарной теории, изучающей антиобщественное отклоняющееся (девиантное) поведение (преступность, наркотизм, алкоголизм, суицидальность и некоторые другие явления) и социальный контроль над ними*) неизбежно ставит перед исследователем задачу определения ее основополагающих, онтологических принципов. В этой связи в девиантологии высказаны суждения о важности в качестве такового принципа дополнительности Н. Бора [1], а также некоторых других методологических положений. Исходя из тезиса об известной общности девиантологии для криминологии, аддиктологии и иных наук, изучающих негативные социальные явления, разработка данного методологического вопроса представляется чрезвычайно важной и для методологии указанных дисциплин. При выборе подхода к изучению данного вопроса автор исходит из того, что *методология как область знаний призвана определять концептуальное (мировоззренческое) теоретическое объяснение принципов познания изучаемого явления и предлагает совокупность способов и приемов исследования (хотя, разумеется, это ее не единственная дефиниция — Авт.)*.

С учетом известной "молодости" отечественной девиантологии и научных исследований в этой области, существует объективная потребность в развитии, поиске дополнительного обоснования, не в последнюю очередь и вопросов, относящихся к теории и методологии данной науки. Автор отдает себе отчет в субъективном характере любого подхода, концепции в области гуманитарных наук, полностью соглашаясь с академиком В.Н. Кудрявцевым в том, что "познание общественных явлений в значительной мере изменяется под воздействием взглядов и поступков самого исследователя" [2]. Выбор для научного анализа названного принципа ни в коей мере не умаляет важности иных фундаментальных общенаучных основ познания (так, в цитируемой работе Я.И. Гилинского также рассматриваются принцип универсального эволюционизма (2), принцип универсальности общенаучных методов познания (3) и принцип относительности знаний (4). Принцип универсального эволюционизма или при-

нцип универсальности законов мироздания, сформулированный академиком Н.Н.Моисеевым, рассматривался им самим как производный от принципа дополнительности [3]. Третий принцип, представляется автору (К.Х.) одним из частных выводов (следствий), вытекающих из принципа универсальности законов мироздания, на что, впрочем, указывает и сам Я.И. Гилинский [1]. Также едины и взаимодополняемы, в сущности, принципы относительности знаний и дополнительности, что в общем-то признается их комментатором (применительно к девиантологическим исследованиям) [1].

Предварительно целесообразно остановиться на некоторых аргументах в пользу значимости заявленной проблемы для девиантолога.

Во-первых, современное общество именуется представителями социальных наук (и не только) как общество эпохи глобализации, характеризующееся, в числе прочего, таким признаком, как единство (движение к единству) в коммуникативной, экономической, информационной и прочих сферах. Философской наукой определяется такое свойство современного человечества, как *культурное разнообразие и цивилизационное единство*. "Новое культурно-цивилизационное образование далее четко потребует от различных типов локальных цивилизаций соблюдения единых для всего человечества норм, правил, запретов" [4]. Ведущие отечественные философы (академик В.С. Степин, член-кор. РАН В.А. Лекторский) при этом справедливо указывают на усиление взаимодействия между социально-гуманитарными и естественными науками, в том числе в условиях сложных саморазвивающихся систем как на единственный стратегический вектор развития науки будущего [5]. Такое понимание вопроса присутствовало в выступлениях многих ученых и на последнем всемирном философском форуме. Автор разделяет позицию отечественных и зарубежных философов о том, что "исследование сложных развивающихся систем сближает методологические стратегии естественных и социально-гуманитарных наук"¹.

Очевидно, что новое качественное состояние общества несет новые угрозы безопасности как для всего общества, так и отдельных граждан. Негативные социальные отклонения (предмет девиантологии) также испытывают на себе "последствия" глобализации, окончательно превратившись, например, в "лице" наиболее опасных своих форм (терроризма, экологической и коррупционной преступности, наркотизма) в угрозы национальной безопасности [1, 8]. В этой связи актуальность дальней-

¹ См. подробнее научные дискуссии по данной проблеме, опубликованные в "Вестнике Российского философского общества" за 2003—2006 гг., в частности, материалы постоянно действующего методологического теоретического семинара по проблемам глобализации (рук. А.Н. Чумаков и др.) (Институт философии РАН, Российское Философское общество).

* Посвящается светлой памяти Учителя — профессора А.А. Тер-Акопова

шего изучения девиантологических проблем на макро- и микроуровне только возрастает. Общество ждет разработки новых адекватных подходов в решении вопросов обеспечения своей безопасности.

Во-вторых, глобализация и универсализация происходит в научных исследованиях (причем не всегда со знаком "плюс". Когда-то Аристотель сказал: город — это единство непохожих). Фундаментальная и прикладная науки последних десятилетий все сильнее на первое место выдвигают общенаучную проблему обеспечения "единства знаний". К сожалению, и это отмечается представителями как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного блока, "вектора" научных исследований проблем антропогенеза, человеческого бытия в системе научных исследований различных областей знаний направлены в разные стороны и это вызвано, отнюдь, не особенностями их научного инструментария. "Гуманитарии" и "технократы" на деле по-прежнему недооценивают междотраслевой подход к изучению таких многофакторных явлений, как преступность и наркотизм, не пытаясь объяснить полученные данные своих наблюдений через призму результатов исследований того же явления в других областях знаний.¹ Впрочем, если "междотраслевой подход" и заявляется, то он трактуется отчасти вульгарно, отчасти эклектично. Как одно из следствий такой ситуации — определенная стагнация социальных наук. В качестве примера, может быть не самого характерного, можно привести состояние современной отечественной криминологии, когда "в учебной и научной литературе практически полностью игнорируются либо подаются в субъективно-препарированном виде достижения в области генетики поведения, исследования генома человека, химических основ мозга, невротических структур" [6]. Между тем, в советской криминологии за расширение сотрудничества представителей медицины, биологии и права ратовали авторитетнейшие ученые — авторы междисциплинарного исследования (1989 г.) [10]. Однако новых фундаментальных работ в этом направлении пока не наблюдается. Возможно, отечественным специалистам последних десятилетий в области девиантологии и криминологии до сих пор памятли не совсем корректные "политические" обвинения их старших коллег в "биологизаторстве", да и не в традициях отечественной криминологии "увлечение" биологическими и психологическими теориями причин преступности.²

В учебной криминологической литературе должного внимания общенаучным взглядам Н. Бора не уделяется.³ В то же время задача активизации исследований, в рамках интеграции наук и системного подхода, находится в повестке дня современной фундаментальной науки, и с этих

позиций наше обращение к общеметодологическим принципам познания, в известной степени, возможно, может способствовать привлечению к данной теме научного внимания (что и видится автору в качестве основной цели настоящего исследования).

Принцип дополнительности датского физика, нобелевского лауреата Нильса Хендрика Давида Бора (1885—1962) известен из курсов учебных образовательных программ по физике. Можно лишь напомнить некоторые вехи, сопутствующие его появлению. Причиной этих исследований Н. Бора послужили, прежде всего, его научные споры с другим нобелевским лауреатом немецким физиком В. Гейзенбергом⁴ о корпускулярно-волновом дуализме в квантовой механике. Принцип "соотношения неопределенностей" В. Гейзенберга (1927 г.) гласил, что "никакой эксперимент не может привести к одновременно точному измерению динамических переменных; при этом определенность в измерениях связана не с несовершенством экспериментальной техники, а с объективными свойствами материи". Ему Н. Бор противопоставил так называемый принцип дополнительности (1927 г.), который в упрощенном виде может быть сформулирован следующим образом: "Понятие частицы и волны дополняют друг друга и в то же время противоречат друг другу, они являются дополняющими картинками происходящего". Дискуссия ученых касалась физико-математической стороны изучения микромира (атомов и меньших его объектов), влияния на результаты исследования взаимодействия микротел с измерительными приборами и других вопросов.

В последующем, в 30—60-е годы XX в., Н. Бор развил универсальное, системное понимание принципа дополнительности, распространив его действие на иные естественные, а также социальные науки. Речь идет о научных статьях Н. Бора "Причинность и дополнительность" (1937 г.), "О понятиях причинности и дополнительности" (1948 г.), "Единство знаний" (1955 г.), "Атомы и человеческое познание" (1956 г.), "Квантовая физика и философия" (1958 г.), "Квантовая физика и биология" (1960 г.) и некоторых других [9]. Объясняя значение принципа дополнительности для методологии других наук, Нильс Бор полагал, что лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции (аспекты, стороны одного явления) в совокупности достаточно полно охватывают (описывают) изучаемый объект. Такое понимание принципа дополнительности присутствует и в современной отечественной научной, учебной и справочной литературе в области физики, философии, естествознания, уголовного права и не подвергается сомнению с позиции научной объективности

¹ Одно из "приятных" исключений из этого правила за последние годы — фундаментальное междисциплинарное исследование академика РАН П. И. Сидорова "Наркологическая превентология: Руководство. — М., 2006, 720 С.

² В качестве "исключений" из этого правила можно назвать прежде всего С. В. Познышева, П. Н. Тарновскую, В. Ф. Чижю, а также М. Н. Гернета, Д. А. Дриля и некоторых других; в советское время — И. С. Нова — См. подробнее: Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. — М., 1991. — С. 155—177.

³ Автором было изучено большинство учебников и учебных пособий по криминологии, опубликованных в 2005—2006 гг. (под редакцией и авторстве В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова, Н. Ф. Кузнецовой и В. В. Лунеева, Антоняна Ю. М., Долговой А. И., Аванесова Г. А.). Во всех без исключения учебных изданиях в соответствующих разделах рассмотрение принципа дополнительности Н. Бора как такового отсутствовало, а изложение проблемы сводилось к освещению применения междисциплинарного подхода в криминологии в качестве методологического принципа познания, использованию в криминологических исследованиях частных математических методов (в этой связи чаще других имелись ссылки на труды кримиолога Д. Ли).

⁴ Кстати, накал и драматизм тех научных дискуссий весьма удачно воплощены народными артистами О. Табаковым (Бор) и Б. Плотниковым (Гейзенберг) в мхатовском спектакле "Копенгаген", посвященном творческим и личностным взаимоотношениям великих физиков.

ти [10]. В этих работах Бора отсутствует сколь-либо подробный анализ возможностей применения принципа дополнительности для методологии гуманитарных наук. В то же время представляют методологическую ценность некоторые замечания ученого применительно к области исследования общественных наук. Так, диалектика изучения объекта в совокупности взаимоисключающих аспектов в социологии (по Бору) "может оказаться полезной в решении проблем, с которыми мы сталкиваемся при изучении и сравнении человеческих культур" [9]. Эта мысль Бора может быть интересна и для правоведов (криминологов) в качестве концептуальной "отправной точки" изучения особенностей этиологии преступности и ее причин в странах, относящихся к различным правовым системам. Из размышлений ученого о связях между национальными культурами и их "дополнительности" друг к другу, возможно, можно сделать вывод о важности поиска общих духовных и социально-правовых основ этих культур в интересах достижения всеобщего взаимопонимания между ними (возможно, именно такого взвешенного мудрого подхода не хватило соотечественникам Бора — датским журналистам, непродуманные действия которых в отношении некоторых ценностей исламской культуры спровоцировали осенью 2005 г. "карикатурный" скандал — К.Х.).

Следующим интересным замечанием великого физика является его суждение о значении принципа дополнительности при описании "положения отдельного лица внутри общества" в связи "с подвижной границей между оценкой человеческих ценностей и общими положениями, на основании которых судят о них" [9]. На основе данного постулата Бор приходит еще к более серьезному наблюдению: "Общую цель всех культур составляет теснейшее сочетание справедливости и милосердия, тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и, наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступать в конфликт с самыми принципами правосудия" [9]. По-видимому, мы здесь имеем дело с подходом Бора к извечной юридической проблеме "соотношения законности и справедливости"; ученый не предлагает "полярных" решений данной проблемы, рассматривая его в достижении гармонизации путем сочетания обоих подходов. Такое видение решения проблемы, экстраполируемое, например, на формирование уголовной политики государства, предполагает максимально взвешенный подход, заключающийся в сочетании карательно-репрессивных и иных мер, направленных на борьбу с преступностью.

Вокруг приведенных научных взглядов Н. Бора и других представителей так называемой копенгагенской школы в свое время шла острая научная полемика. Причем в отечественной научной литературе 40-х — начала 50-х годов прошлого века она носила выраженный идеологический характер. Научный спор был сопряжен с обвинениями Н. Бора и его коллег в "буржуазном идеализме и антинаучности", "апологетике растленной буржуазной идеологии в физической науке", "реакционном эйнштейнизме" [11]. Научным взглядам западноевропейских физиков противопоставлялись марксистско-ленинская материалистическая диалектика и вытекающий из нее детер-

министический (причинно-следственный) подход, хотя, по сути, одно другому не противоречило. Автор не ставил цель разобрать "научные разногласия", имевшиеся между представителями крупнейших мировых физических школ. Тем более, что споры в тот исторический период в значительной мере были искусственно политизированы. Что касается обвинения в игнорировании сторонниками принципа дополнительности роли причинно-следственных связей в исследованиях социальных наук, то следует полагать, что данный упрек излишне упрощает научные реалии. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова (2006 г.), причинность — частный случай всеобщего взаимодействия явлений, одна из его форм. Установление причин общественных явлений (в том числе и девиантологических — К.Х.) предполагает анализ как внутренних процессов развития общества, так и связей социальных явлений с явлениями и процессами других уровней и систем [12]. Такое понимание причинности (как разновидности детерминации, охватывающей различные виды закономерной зависимости между явлениями), по нашему мнению, есть не что иное, как частный случай всеобщей связи, наиболее полно объясняющей (описывающей) полную причину существования явления (объекта). Изучение "дополнительных" аспектов объекта полностью отвечает и диалектико-материалистическому пониманию истины как совокупности всех сторон явления, действительности и их (взаимо) отношения [13]. Впрочем, в 70—80-е годы XX в. принцип дополнительности в советской науке был вполне "реабилитирован" и стал по сути методологическим [14]. Он рассматривался (может быть, несколько упрощенно — К.Х.) как диалектический принцип дополнительности определений — "совокупности правил, обеспечивающих полноту описания того или иного явления" [15].

Принимая за условие истинность гипотезы о всеобщей универсальности принципа дополнительности, в том числе для социальных наук, изложим некоторые, вытекающие из данного принципа выводы, по нашему мнению, представляющие определенный интерес для изучения девиаций и отклоняющегося поведения.

Так, из суждений Н. Бора о влиянии внешнего наблюдателя (прибора) на результаты исследования ("исследование того, в какой мере описание физических явлений зависит от точки зрения наблюдателя, не только не внесло никакой путаницы, наоборот, оказалось неопределенной путеводной нитью при разыскании законов, общих для всех наблюдателей") [9] следует принципиальный вывод о необходимости учета особенностей "влияния" этого наблюдателя на исследуемый объект. По-видимому, речь идет о субъективной роли исследователя при изучении социальных явлений; особенностях: его мировоззрения, типа мышления, научных взглядов, подготовки, специфики научного инструментария, а также его добросовестности как ученого. Под влиянием данных факторов будут формироваться и собственно результаты самого исследования. Напрашивается вывод о необходимости привлечения различных исследователей, в том числе представителей различных областей знаний, для получения наиболее полных сведений об изучаемом объекте. При этом "такая точка зрения отнюдь не означает произвольного отказа от воз-

возможности узнавать все больше о функционировании организмов, все время продолжая исследования" [9].

Н. Бор отмечал, что "описание жизни и оценка возможностей ее развития не могут претендовать на полноту, а могут лишь стремиться к построению достаточно широкой системы понятий", "мы должны признать, что ни один опытный факт не может быть сформулирован помимо некоторой системы понятий и что всякая кажущаяся дисгармония между опытными фактами может быть устранена только путем надлежащего расширения этой системы понятий" [9]. Эти слова, как видно, обращены к необходимости решения задачи расширения и гармонизации тезауруса, описывающего наблюдаемый объект (явление). С изложенными положениями тесно связана задача комплексного исследования явления (объекта) в единстве, в том числе его противоположных, взаимоисключающих, сторон (аспектов), путем решения проблемы создания единого научного языка и, как следствие, построения разделяемого представителями различных научных областей науки общего понятийно-терминологического аппарата; именно "расширение понятийного и образного круга, появление новых аналогий может стать результатом междисциплинарного взаимодействия наук, называющих себя естественными и точными, с теми областями знания, где объектом является человек и общество" [16].

Интересным творческим развитием принципа дополнительности служит принцип универсального эволюционизма (универсальности законов мироздания). Свою завершенную (на сегодняшнее время) форму он получил в трудах крупнейшего отечественного математика, системолога, эколога и мыслителя с мировым именем Никиты Николаевича Моисеева (1917—2000). Будучи одним из "отцов-основателей" и первым президентом Международного независимого эколого-политологического университета (1992—2000), академик Н.Н. Моисеев в последние годы жизни обратился к фундаментальным проблемам мироздания, результатом которых стал как цикл работ самого автора, так и разнообразные научные исследования, проводимые в Университете, в том числе в рамках теоретического семинара под руководством академика Н.Н. Моисеева,¹ размышляя о контурах и структуре универсального эволюционизма, строил "его на условиях принципа дополнительности как более общего "закона мироздания". [17] В своих научных исследованиях Н.Н. Моисеев исходил из положений о необходимости объединения исследований общества, живой и неживой природы и изучения с этих позиций универсальных законов мироздания. Многолетние исследования привели Н.Н. Моисеева (считавшего, между прочим, Бора одним из своих духовных наставников) к пониманию необходимости признания единства системы законов, действующих в Универсуме и соподчиненности всех происходящих

на земле явлений единому процессу самоорганизации материи. Эта научная гипотеза (в понимании самого Н.Н. Моисеева) находит свое различное подтверждение в работах других современных ученых-естествоиспытателей и представителей гуманитарных наук. Ученым сформулированы нравственный и экологический императивы как принципы обеспечения сохранения человечества.²

Мы разделяем высказанное ранее положение о методологической значимости для девиантологии идей Н.Н. Моисеева и прежде всего с позиции преодоления антропоцентризма и аксиологизма: исследователю необходимо отказаться от представлений об уникальности девиантных проявлений и их закономерностей [1]. Из некоторого анализа трудов Н.Н. Моисеева по данной проблематике можно сделать ряд предположений, относящихся к рассматриваемой девиантологической проблематике.

Во-первых, это необходимость "подключения" к девиантологическим исследованиям широкого круга представителей естественных наук, в интересах проведения (под "началом" девиантологов) межнаучных исследований. Бесспорно справедливы выводы В.В. Лунеева, сделанные им на основе фундаментального анализа преступности XX века, о том, что "изучение причинного комплекса (преступности — К.Х.) должно быть постоянным и системным целостной системы изучения причин преступности, и их устранения в профилактических целях пока нигде не существует" [6].

Во-вторых, это обеспечение девиантологами системного мониторинга научных открытий, осуществляемых в разных областях знаний, относящихся к науке о человеке.

В-третьих, скорейший переход в гуманитарных (юридических) вузах к "знанию будущего": комплексному учебно-научному подходу, реализуемому в высшей школе с целью формирования у студентов XXI века универсальных фундаментальных знаний, относящихся в том числе к науке о Человеке ("пилотный" проект в этом направлении реализуются в Томском "политехе" в рамках национального проекта "Образование").

В-четвертых, решение набившей "оскомину" проблемы криминологической (девиантологической) и даже виктимологической экспертизы законопроектов: она должна проводиться специалистами различных областей знаний.

В-пятых, принцип дополнительности позволяет по-новому подойти к научной разработке этиологических проблем наркотизма и, прежде всего, природы существования, "движения" психоактивных веществ и злоупотребления ими в окружающем мире.

Изучению объявленной проблемы посвящены исследования ряда современных отечественных специалистов, в том числе И.Н. Пятницкой, Е.А. Брюн, Б.Ф. Калачева и некоторых других. Последний сформулировал основы теории движения наркогенов (далее — ТДН) (1998 г.) —

¹ Автору посчастливилось в эти годы работать на юридическом факультете МНЭПУ, участвовать в научных мероприятиях, проводившихся под "научным патронажем" Н.Н. Моисеева; научных конференциях, организованных его коллегами по Университету — учеными-юристами профессорами Винокуровым Ю.Е., Загорским Г.И., Киреевым В.И., Тер-Акоповым А.А., Шарковым В.Е. и др. (см., в частности: Правовое обеспечение безопасности человека. — М., 1998; Проблемы обеспечения экологической безопасности. — М., 1999; Юридическая безопасность человека в России: Сб. науч. тр./ Науч. ред. А.А. Тер-Акопов. — М., 2001; Современные проблемы цивилизации. — М., 2001; Проблемы устойчивого развития цивилизации. — М.: 2001). Какое замечательное это было время!

² См.: Моисеев Н.Н. Современный рационализм (1995 г.), Расставание с простотой (1998 г.), Судьбы цивилизации (1998 г.), Размышления о современной политологии (1999 г.), Универсум. Информация. Общество. Устойчивый мир. (2001 г.) и др.

фрагмента метатеории, формирующей целостное представление о значимых связях между субстанциями, обладающими способностью вызывать зависимость от их приема (восприятия), рассматриваемой специалистами как перспективное научное направление. В общем виде основные положения ТДН сводятся к следующему:

- в окружающей среде (биосфере) имеется совокупность субстанций биологического, химического и физического происхождения (наркогенов), обладающих наркогенной потенцией и находящихся в непрерывающемся взаимодействии друг с другом;
- движение наркогенов наблюдается в сфере религиозных культов, народной медицины, криминогенной сфере и сфере государственного управления;
- типология движения наркогенов включает в себя: движение пронаркогенов, движение мультинаркогенов, движение неонаркогенов и футунаркогенов;
- ожидаемо расширение в будущем "популяции" наркогенов;
- задача человечества — не допустить глобального поглощения общества патологией немедицинского потребления наркогенов [18].

Руководствуясь принципом дополнительности, основываясь на положениях ТДН, можно предложить следующее видение дальнейших междисциплинарных исследований проблемы наркотизма:

- разработка антинаркотических программ и стратегий с учетом особенностей различных теорий и моделей наркотизма;
- окончательный отказ в профилактике наркотизма от подхода, основанного исключительно на восприятии наркотиков с позиции "образа врага";
- расширение области законодательно регулируемых отношений в сфере оборота психоактивных веществ;
- продолжение научных исследований в направлении выявления (описания) новых связей (параметров), характеризующих движение наркогенов;
- расширение и одновременно обеспечение единства научного языка (понятийно-терминологического аппарата), обслуживающего данную сферу деятельности.

Воспринимая наркогены (их оборот, в том числе криминальный) как неотъемлемую часть существования биосферы и социума, ученые и практики, а вместе с ними и политики смогут более реалистично подойти к определению задач по противодействию наркотизма.

Остановимся подробнее на одном из заявленных направлений развития девиантологических исследований — проблеме совершенствования понятийно-терминологического аппарата.

О важности решения проблемы единого научного языка для криминологической науки и практики борьбы с преступностью убедительно указывают современные исследователи А.А. Толкаченко, О.А. Косован [19] и др. Ими, в частности, справедливо оценивается как фактор, сдерживающий эффективность борьбы с преступностью, отсутствие единого концептуального понимания терминов *борьба, предупреждение, воздействие на преступность* и т.д.

Приведем еще один показательный пример. В свое время автором была предпринята попытка филолого-правового исследования тезауруса, обслуживающего медико-социальное явление "наркотизм" в специальной лите-

ратуре на русском и английском языках. Применительно к переводу практически всех основных социально-правовых и медицинских терминов и категорий (*наркотик, наркоман, злоупотребление, психоактивные вещества* и др.) в русскоязычной и англоязычной специализированной литературе были выявлены существенные разночтения и противоречия и, как следствие, — поливариантность употребления большинства терминов. В этой связи автором было предложено использование положительного опыта, накопленного отечественными лингвистами в ходе их участия в законотворческой деятельности при разработке важнейших международных договоров по разоружению (80-е годы XX в.): так, по предложению отечественных специалистов, стороны договора на начальном этапе работы над законопроектом разработали и выделили в отдельный раздел "военно-терминологические" системы научно-технической терминологии", которые обеспечили аутентичность толкования заинтересованными лицами определений и категорий, используемых в международном договоре.

Представляется, что описанный опыт решения проблемы единого научного языка может быть использован также при изучении наркотизма и связанных с ним явлений как в научном плане, так и в рамках международного (национального) законо-творческого процесса. Так, можно в этой связи предложить проведение под эгидой соответствующих органов ООН официального мероприятия, посвященного вопросам обеспечения единства терминологии в области предупреждения незаконного оборота наркотиков (НОН). Интересен и малоисследован научный междисциплинарный потенциал Международной классификации болезней (МКБ-10), описывающей большинство известных на сегодняшний день форм отклоняющегося поведения (употребление психоактивных веществ, включая алкоголь, суицидальное поведение, зависимость от азартных игр, гомосексуализм и иные сексуальные девиации) [20]. По мнению автора, унификация понятийного аппарата (и его расширение, обогащение) послужат интенсификации научных исследований и повышению эффективности правоприменения в рамках мирового сообщества в интересах предупреждения наркотизма и борьбы с НОН.

Другим примером "применения" принципа дополнительности как основы интегративного методологического подхода в изучении Человека в его биосоциальной целостности может служить рассмотрение вопроса "единства знаний" (сочетание "научного" и "иррационального" (религиозного) подходов в изучении Человека и Общества). Обзор современной специальной литературы позволяет оценить в целом ситуацию в научном мире как постепенное осознанное понимание представителями научной общности (независимо от отношения к религии и вере) необходимости включения в "научную картину мира" категорий и "языка" сторонников идеи Божественного Провидения и, как следствие, — необходимости принятия Веры в качестве важного аргумента научного познания мира. Президент РАН академик Ю.С. Осипов по данному вопросу придерживается буквально следующей позиции: "Вообще взаимоотношение науки и религии очень деликатная тема. Но мне кажется, что серьезный ученый должен задуматься, каково соотношение

между верой и знаниями. Хочу ответить, что довольно много очень известных ученых постепенно начинали осмысливать эту связь. Почему? Оказывается, что для миропонимания им не хватает знаний светской науки, как говорится, не удастся убедительно замкнуть систему" [21]. Другой авторитетный ученый-экономист академик Д.С. Львов указывает на необходимость усиления роли нравственных, духовных начал, основанных на заповедях Иисуса Христа в построении демократического общества и экономики [22]. Существование иррациональных начал в человеке признавал и Н.Н. Моисеев, считая, что "духовные миры не возникают сами по себе и они вовсе не случайны" [23].

Таким образом можно прогнозировать постепенное сближение двух типов мировоззрения, двух парадигм — естественно-научной и религиозной. Именно в этом направлении видится и решение главной задачи современной науки (по А.В. Носикову) — "слияние двух парадигм, создание объединяющей метапарадигмы и построение на ее основе нового мировоззрения" [24].

Примерно в том же духе высказался и материалист Н. Бор: "Нам представляется несомненным, что проблеме единства знаний нельзя отделять от стремления к всеобщему взаимопониманию как средству поднятия человеческой культуры" [9]. Осмелимся предположить, что такое понимание единства внутри современной Науки — это не что иное, как проявление методологической универсальности принципа дополнительности.

Именно с позиции объединяющей парадигмы и необходимо изучение феномена Человека, в том числе его социально одобряемого либо антиобщественного поведения, ибо "человек создан из элементов материального мира и из элементов духовного мира, он принадлежит к духовному миру, и вещественному. Но вместе с этим обе природы остаются собой" [25]. Другой великий мыслитель XX в. — П. Тейяр де Шарден в этой связи делал далеко идущий вывод о том, что "эволюция, основанная на материи, не спасает человека, ибо все причинно-следственные связи, собранные вместе, не в силах дать ни грани свободы. Эволюция же, основанная на Духе, сохраняет в силе все установленные физикой законы" [26].

Научные исследования последних лет в области социальных наук подтверждают высказанную гипотезу о единстве материального и духовного в поведении человека.

Так, криминологической наукой длительное время в значительной степени игнорировались причинно-следственные связи духовно-нравственного характера; в отечественной криминологической литературе, посвященной механизму конкретного преступления, вопросы о духовности как причине преступления, ее роли в механизме преступления не поднимались. Между тем, как свидетельствуют научные исследования по этому вопросу, духовность как социально-психологическое явление представляет собой "самостоятельное причиняющее начало, стоящее в одном ряду с материей и энергией" [24]. По мнению А.А. Тер-Акопова, духовность — отношение более высокого уровня по сравнению с нравственностью, которая является составной частью духовности. Духовность как социально-психологическое явление рассматривается двухаспектно (позитивная и негативная духовность), к последней относятся такие формы поведения,

как преступление, пьянство, наркотизм и некоторые другие. Автор выделяет те составы преступлений, где содержатся признаки, имеющие сугубо духовное значение: жестокости (п. "д" ч.2 ст. 105 УК РФ), агрессивности (ст.354 УК РФ), незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ), преступления, совершаемые на сексуальной почве (ст.ст. 131-135 УК РФ), жестокое обращение с животными (ст.245 УК РФ) и др. По справедливому мнению того же ученого, уголовный закон — категория духовная по своему назначению и происхождению, он должен реагировать на все содержание преступления: физическое, психическое и духовное. Недооценка одного из составляющих снижает эффективность системы противодействия преступности. А.А. Тер-Акоповым в этой связи уточнена традиционная схема механизма преступного поведения с включением в нее в качестве его основания социальной и личностной духовности, определена криминологическая значимость духовности как объекта и средства профилактики [27]. Эти новые сведения (понимания) механизма преступного поведения по сути получены как дополнительные к "классическому" раскрытию вопроса, благодаря всестороннему его исследованию ученым-криминалистом с позиций христианского вероисповедания и позволили получить более полную (уточненную) картину механизма преступного поведения.

Тот же автор (А.А. Тер-Акопов) двумя десятилетиями ранее самостоятельно подошел с позиций "вышедшего" из физики принципа дополнительности к изучению сущности одной из центральных и сложнейших уголовно-правовых категорий — преступности деяния. Им был сформулирован новый комплексный подход к пониманию общественной опасности преступления как совокупности таких показателей, как общественная опасность деяния и общественная опасность лица, совершившего это деяние. Ученый справедливо указывал на необходимость изучения преступления как целостного объекта исследования в совокупности всех признаков, лишь наиболее существенные из которых закреплены в уголовном законе. А. Тер-Акопов исходил из того, что каждый из признаков преступления (не находящихся в родо-видовых отношениях и значит и не подлежащих замене один другим) раскрывает какую-то одну сторону сущности преступления (виновность — психическое отношение к содеянному, общественная опасность — способность причинить вред и т.д.); также им сформулированы следующие основания (предпосылки) для применения принципа дополнительности, как представляется, актуальные для всех правовых исследований (во-первых, это целостность исследуемого объекта (качественная определенность, единство наиболее существенных свойств); распад либо даже незначительная перестройка изменяет характеристики предмета либо сам предмет; во-вторых, это неопределенность, недостаточность отдельно взятых способов описания целостного предмета) [28].

Предложенный А.Тер-Акоповым и основанный на принципе дополнительности подход в определении преступности деяния, как представляется, может быть использован в качестве модели при решении проблемы криминализации некоторых деяний в сфере НОН, в частности установления уголовной ответственности за потребление наркотиков. Кроме рассмотренных ученым

признаков (показателей), относящихся к "деянию" и "лицу", в данном случае целесообразно привлечь дополнительные данные, характеризующие опасность потребления наркотиков для самого индивида, распространенность конкретного вида наркотика и некоторые другие.

Вместо выводов

Социальные науки (в том числе юриспруденция и девиантология) подчинены общим тенденциям развития научного познания. С учетом изложенного, исследователю необходимо отказаться от представлений об уникальности девиантных проявлений и их закономерностей. Воспринимая преступность (наркотизм, пьянство и алкоголизм, иные девиации) как неотъемлемую часть существования социума, ученые и практики смогут более реалистично подойти к определению задач по их противодействию и предупреждению. Актуальной для девиантологии является задача расширения и гармонизации тезауруса, описывающего наблюдаемый объект (явление). С ней тесно связана задача комплексного исследования явления (объекта) в единстве, в том числе его противоположных, взаимоисключающих сторон (аспектов) посредством решения проблемы создания единого научного языка и, как следствие, — построения разделяемого представителями различных научных областей науки общего понятийно-терминологического аппарата. Целесообразно проведение междисциплинарных научно-практических мероприятий, посвященных творческому развитию общеметодологических идей Нильса Бора.

Список литературы

1. Гилинский Я.И. Девиантология. — СПб, 2004. — С. 40—52.
2. Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук// Новая и новейшая история. — 1995. — №3. — С. 4.
3. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. — М., 1998. — С. 34.
4. Чумаков А.Н. Глобализация как естественно-исторический процесс// Философский пароход: Материалы XXI Всемирного философского конгресса. Доклады российских участников. — Краснодар—М., 2004. — С. 365—370.
5. Степин В.С. Генезис социально гуманитарных наук (философский и методологический аспекты)// Философский пароход: Материалы XXI Всемирного философского конгресса. Доклады российских участников. — Краснодар—М., 2004. — С. 316—326; Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке. — Там же. — С. 176—185.
6. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М., 2005. — С. 513—536, 620—661.
7. Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. — М., 2006. — С. 24—28.
8. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных проступков и путях их предупреждения. — М., 1989. — С. 341—343.
9. Бор Н. Избранные труды в 2-х т. — М., 1970—1971. — Т. 1. — 437 С.; Т. 2. — 520 С.
10. Концепции современного естествознания: Учебник для вузов/ В.Н. Лавриненко и др. — М., 2003. — С. 103—108; Энциклопедия, Т.16 Физика, ч.2. — М., 2000. — С. 233—234; Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — С. 66; Тер-Акопов А.А. Принцип дополнительности в определении преступности деяния// Сборник статей Военного Института/ Отв. ред. А.Ф.Ширяев. — М.: ВКИ, 1986. — №22. — С. 176—186.
11. Научные статьи, опубликованные в сборнике "Философские проблемы современной физики" (М.: АН СССР, 1952. — 575 С.): С.И. Вавилов "Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков" (С.5—30), И.В.Кузнецов "Советская физика и диалектический материализм" (С. 31—86), Д.И. Блохинцев "Критика философских воззрений так называемой "копенгагенской школы" в физике" (С. 358—395), М.Э. Омеляновский "Диалектический материализм и так называемый принцип дополнительности Бора" (С. 396—431).
12. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. — М.: Норма, 2006. — С. 9—24.
13. Ленин В.И. Полн.собр.соч.. — Т. 29. — С. 178.
14. Материалистическая диалектика и концепция дополнительности. — Киев, 1975; Фролов И.Т. Жизнь и познание. О диалектике в современной биологии. — М., 1981.
15. Тер-Акопов А.А. Принцип дополнительности в определении преступности деяний// Сборник статей Военного Института/ Отв. ред. А.Ф.Ширяев. — М.: ВКИ, 1986. — №22. — С. 177.
16. Капица С.П. Рост населения земли и судьба человечества// Современные проблемы цивилизации. — М.: МНЭПУ, 2001. — С. 25.
17. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. — М., 1995. — С. 52, 53, 59—60.
18. Калачев Б.Ф. Введение в теорию движения наркогенов// Теоретические и правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков: Сб. научных трудов. — М.: ВНИИ МВД России, 1998. — С. 3—14. Основные положения данной теории разделяет и автор настоящей статьи, см. подробнее: Калачев Б.Ф., Харabet К.В. Наркогены// Философская энциклопедия "Глобалитстика". — М., 2003. — С. —56—60.
19. Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. — М., 2004. — 128 с.; Косован О.А. Криминализация в системе мер социального контроля над преступностью (военно-правовые аспекты). — М., 2005. — 201 с.
20. Шувалов А.В. Справочник практикующего врача по психиатрии, наркологии и сексопатологии. Новая классификация МКБ-10. — М., 2001. — 432 с.
21. Российская газета. — 2006, 28 июня.
22. Российская газета. — 2006, 19 мая.
23. Духовному миру Моисеева-ученого посвящена статья А.А.Тер-Акопова "Нравственно-правовой императив развития цивилизации // Современный проблемы цивилизации. — М., 2001. — С. 94—103.
24. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М., 2003. — С. 419.
25. Антоний, Митрополит Сурожский. Человек перед Богом. — М., 2001. — С.—256—257.
26. Тейяр де Шарден П. Божественная среда. — М., 1992. — С. 147.
27. Нравственность и право. Сборник избранных научных статей проф. А.А. Тер-Акопова. — М., 2005. — С. 59—63.
28. Тер-Акопов А.А. Принцип дополнительности в определении преступности деяния// Сборник статей Военного Института/ Отв. ред. А.Ф.Ширяев. — М.: ВКИ, 1986. — №22. — С. 176—186.